

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД	5
<i>Глава 1.</i> Елисаветполь	5
<i>Глава 2.</i> Придорожная крепость	22
<i>Глава 3.</i> За фуражом и провиантом	41
<i>Глава 4.</i> Бой в горах	54
<i>Глава 5.</i> Из похода в поход	76
<i>Глава 6.</i> А вот и персы!	91
<i>Глава 7.</i> Под Эриванью	109
<i>Глава 8.</i> Отбились!	124
<i>Глава 9.</i> Мы еще вернемся!	137
ЧАСТЬ II. АННИНСКИЙ ЗНАК	150
<i>Глава 1.</i> Многая лета!	150
<i>Глава 2.</i> В Тифлисе	164
<i>Глава 3.</i> Экзекуцию исполнить немедленно!	180
<i>Глава 4.</i> Посольский конвой	196
<i>Глава 5.</i> Без пушек никак нам, братцы!	211
<i>Глава 6.</i> Веди нас, Павел Михайлович!	239
<i>Глава 7.</i> Чучело огородное	249
<i>Глава 8.</i> В дозоре	271

<i>Глава 9. Нельзя нам осаду снимать!</i>	284
<i>Глава 10. Плен</i>	296
<i>Глава 11. Побег.</i>	308
<i>Глава 12. Галун.</i>	327
<i>Заключение</i>	337

Часть I ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД

Глава 1 ЕЛИСАВЕТПОЛЬ

— А ну тихо ты, ну-ка не шоволись! — сердито прикрикнул на молодого драгуна полковой лекарь. — Меньше шлындать тебе надо было, Тимоха, так и не разошелся бы тогда шов! А то вот возись тута с тобой, вошкайся цельный час, как будто бы у меня других дел вовсе даже нет! Говорили тебе: полежи месяцок в гарнизонном крепостном гошпитале! Так нет ведь, в эскадрон ему нужно бежать, артель, видишь ли, с лошадьё его заждались! А ну, тихо теперь сиди!

Гончаров зашипел и, чуть прикусив нижнюю губу, замер.

— Вот так, — удовлетворенно пробурчал пожилой эскулап. — Во-от. Ага-а! Теперяча хорошо-о. И петельку еще тут затынем. Сильно полотном зажимать я этот шов не буду, так, сверху его только чуток покрою, пущай уж рану маненько холодит, и воздух к ней свободно подходит. А то ведь ежели ей завернутой жарко будет, так она и мокнуть тогда начнет, кровениться, не дай бог, еще и гниль

в ней зародится с того. Смотри только, Тимофей, чтобы туда никакая грязь вовнутрь не попала, это тебе ведь не рука или там нога, чтобы их просто так вот взять да отрезать. И это, не бреди ты ее, шолобродный, говорил же не раз уж тебе! Я вот Луке Куприяновичу точно теперь нажалуюсь. Виданное ли это дело, чтобы из мушкета да с такой-то вот раной бабахать!

— Да ладно тебе, Акимович, ну вот не надо никому и ничего говори-ить, а-а? — протянул Тимофей просительно. — Обещаю, что непременно теперь я буду беречься. Вот истинный крест! — Стянув с головы колпачную фуражку, размашисто перекрестился молодой драгун. — Ну кто же знать мог, что мы в этом разъезде на дозор эриванцев вдруг наткнемся? С ущелья с ребятами выезжаем, а тут нате вам, пожалуйста, они прямо в ста шагах от нас у самого ручья стоят. Ну, вот и постреляли по ним немного.

— Угу, немного, — нахмурился лекарь. — Вижу я, как немного, синяк-то вон каков от приклада на плече! А вот коли в гошпитале бы ты сидел, так не пришлось бы тогда и вовсе даже из мушкета бабахать! Нет, Тимка, точно я на тебя нажалуюсь вахмистру.

— Поликарп Акимович, тут вам это... тут вот от меня и от всей артели за Устима, с благодарностью. — Гончаров застегнул мундир и пододвинул ближе к лекарю небольшую полотняную торбу. — Вы уж не откажите в любезности, за мое и за Устимкино здоровье откушайте.

— Чего это у тебя здесь такое? — нахмурил густые брови пожилой лекарь. — Ничего мне не нужно, и так все есть!

Сам же протянул руку к мешку и, нащупав под грубой тканью кувшин, с лукавым прищуром взглянул на молодого драгуна.

— Арцах это, Поликарп Акимович, из тутовых ягод его гнали, сам-то он о-го-го какой крепкий, однако же и мягонький, — с легкой улыбкой проговорил Гончаров. — У Вагана хромого, что у Тифлисских ворот лавку держит, был он выделан. Ребята, кто его пробовал, говорят, что просто чудо как он хорош! И голова потом с него совсем не болит.

— Ну, ежели у Вагана делан, тогда да-а, тогда ладно. — Лекарь вздохнул и задвинул торбу под лавку. — Тем более сам ведь только что сказал: за здоровье это. Тут как бы грех тогда отказываться. Ладно, ступай уже, Гончаров, ступай, мне тут того, мне это самое надо. Дел у меня еще здесь немерено, а тут вон ты над душой стоишь, отвлекаешь. Значится, через день сюда снова придешь и опять свой шов покажешь. И это... ты смотри у меня, Тимофей! Чтобы рану опять не тревожил, а то я ведь точно кому надо нажалуюсь! — И, погрозив вслед уходящему кулаком, полез другой рукой под лавку.

От полкового лазарета до места квартирования отделения было недалеко, и совсем скоро Гончаров нырнул с улицы в калитку обнесенного каменным забором двора.

— Тимох, подмогни! — крикнул кашеварящий на уличном очаге Наум и махнул рукой подходящему товарищу. — Пущай этот покамест рядом попреет, а сюда вот, на самый жаркий огонь я лучше сейчас щи поставлю. Там-то они уж больно долго

готовятся, а то ведь еще маненько, и уже совсем скоро сама каша поспеет.

Драгуны крикнули, поднатужились и, обхватив руками с двух концов толстую палку, вставленную в дугу, перенесли большой медный артельный котел на соседний очаг.

— Вот так оно совсем ладно теперяча будет, — удовлетворенно проворчал дежурный кашевар, подкидывая под днище полешки. — Ну что, проведаль Устимку? Как он там в лазарете? Чего лекарья вообще глаголят, скоро ли они его совсем от себя отпустят?

— Да ничего они там не говорят, — отмахнулся Тимофей. — Огневицы, дескать, больше у него уже нет, рана совсем чистая, и теперь только лишь время нужно, чтобы он совсем излечился.

— Излечится, ничего, Устимка — он мужик крепкий, — сказал со вздохом Наум. — Мы с ним еще с самого начала, с рекрутского депо дружны, с того времени, когда наш полк в Тамбовском наместничестве на квартирах стоял.

Скрипнула дверь, и наружу из занимаемого отделением дома вышли пятеро драгун во главе с младшим унтер-офицером Сошниковым. Ефим Силевич глубоко вдохнул в себя февральский холодный воздух и пожевал губами, словно бы пробуя его на вкус.

— Чего, Наумка, небось, еще часок времени тебе надобно, да? А так-то уже скусный дух от варева идет.

— Час — это уж точно нужно подождать, Силевич, — подтвердил артельный готовщик. — Щам бы оно, конечно, рановато еще пока до готовки,

а вот кашку, ее уже и снимать даже можно, но уж лучше ей маненько на самом слабом жаре, на углях потомиться.

— Ну ладно, ладно, ты это, Наумка, ты давай-ка готовь и не спеши лучше, мы ведь тебя совсем не торопим, — сказал с улыбкой отделенный командир. — А то вдруг опять, как в прошлый раз у Ваньки, получится. Только порцион, зараза, перевел. Пойдемте, братцы, лошадей пока обиходим, как раз до самого ужина с этим делом поспеем. Тимох, ты причиндалы из дому забирай и за нами тоже давай двигай, — кивнул он молодому драгуну. — Гостинцы-то все кому надо передал? По душе ли пришлись?

— Передал, Ефим Силович, а как же, — подтвердил Гончаров. — Обоим вручил: и Устиму айвы с изюмом, и Поликарпу Акимовичу тоже кое-чего. Все там подаркам рады.

— Ну вот и хорошо, — вздохнул удовлетворенно дядька. — Чай, уж и с нас не убудет. Ну все, давай, догоняй, пошли мы!

Драгуны потопали по городской улице Гянджи в сторону ханского дворца, где в его конюшнях содержались полковые лошади, а Тимофей заскочил в дом. В двух его больших комнатах, закрытых наглухо от прочих хозяйских, жило все первое отделение четвертого взвода второго эскадрона Нарвского драгунского полка.

Быт у служивых был совершенно простой: постелями им служили широкие лавки или сундуки, составленные у стен. На самих же этих стенах были развешаны предметы воинской и конской амуниции, часть вещевого обмундирования

и оружие. Тускло светил жировой светильник, подвешенный к потолку, похрапывали двое сменившихся с суточного караула, а где-то за стеной слышался плач хозяйского ребенка. Тимофей, подходя к своей лавке, зацепил неловко ногой стул, и тот резко громохнул. Заспанный Савелий приподнял голову с войлочной подстилки и, буркнув что-то ругательное, натянул повыше шинель.

— Все-все, извиняйте, братцы, я не нарочно, — пробормотал Тимофей и, сняв с гвоздя небольшую котомку, поспешил скорее выйти на улицу.

До ханских конюшен было недалеко. Выйти с малого переулка на большой, потом пройтись немного по улице, и вот уже он — бывший ханский дворец, а рядом с ним как раз и стояли те самые конюшни.

В отдалении от главной полковой квартиры послышался трубный сигнал, призывающий кавалеристов к уходу за лошадьми. Со всех концов города, с тех мест, где квартировали эскадроны, спешили сейчас в конюшни драгуны. В длинных, разделенных на отдельные стойла помещениях слышались гул множества людских голосов, лошадиное фырканье, звуки шуршания щеток и скребниц.

— Хорошая, хорошая лошадка, — ласково приговаривал Гончаров, зачищая левую лопатку кобыле. — Тихо, тихо ты, стой смирно, — погладил он ее морду. — Застоялась уже, небось, птичка моя? Ничего, завтра обещали нас в разъезд определить, вот и побегаешь там у меня. А ну, тихо, Чайка! Тихо ты! Ноги мне отдавишь! — хлопнул он ее легонько ладонью по крупу. — Вот, лучше еще один

сухарик пока примни. — Сказав это, он протянул твердый кирпичик черного, посыпанного крупной солью хлеба. — Сейчас тебе буду правую сторону чистить.

Кобыла перехватила губами гостинец и громко им захрумкала.

— Ах, ты ж и попрошайка, вот же попрошайка! — укоризненно бубнил Тимка, сноровисто орудуя щеткой.

— Чего так гриву плохо прочесал, а, Гончаров?! — раздался позади строгий голос вахмистра. — Словно бы это не драгунская строевая лошадь у тебя, а какая-то киргизка выючная. Давай-ка ты тут не ленись, обихаживай ее, как и положено!

— Лука Куприянович, так я же первым делом ей гриву причесал, чтобы из нее всякий крупный сор сбить, а уже потом и за саму за щетку взялся, — воскликнул, обернувшись, Тимофей.

— Ты это, ты давай-ка не болтай тут, а лучше делай все как положено! — нахмурился старший унтер. — Еще без году неделя в эскадроне, а уже вона чего, рот мне тут открывает! Сказал — плохо прочесал, значит, плохо, переделывай все, и нечего мне тут перечить!

— Слушаюсь все переделать, господин вахмистр! — принял строевой вид драгун. — Сию же минуту исправлюсь!

— Вот то-то же, так бы и сразу, — проворчал, отходя от стойла, Лука Куприянович. — А то умные они тут все, понимаешь! Говорить-то они, вон, научились, а вот службу как следует не знают. Все-му всех учить вечно надо!

— Эй, Ванька! — слышался его гневный голос уже через два стойла. — Ты почто же это, бездельник ты эдакий, суконкой морду кобыле не протер?! А если у нее вдруг глаз от грязи нагноится? Так я к твоему тогда сам своим кулаком хорошенько припечатаю! Будешь потом знать, как это — от дела отлынивать и казенным разорительством заниматься!

— Вот ведь дед какой сварливый, пятый десяток за середку перевалил, а все ведь шпыняется, бегаёт, — кивнул в сторону доносящейся брани сосед Кошелев Федот. — Ты его уж лучше не цепляй, Тимох, соглашайся со всем, поддакивай все время, а не то он как репей к тебе прицепится, со свету белого сживет. Ну чего тебе, долго ли там еще? А то я уже здесь заканчиваю. Пошли, может, вместе за овсом и водой?

* * *

— Господа, задача, поставленная главнокомандующим, у нас прежняя — это прикрывать южное направление на Тифлис и вести дозорную службу со стороны Эривани, Шуши и Ширвана... — Подполковник Бомбель расправил лежащую перед ним на столе карту и ткнул на ней в жирную точку. — Мы тут, в этом месте, как кость в горле у любого, кто захочет пройти на север. Гянджа — это ключевая крепость всего Восточного Закавказья, не зря ведь мы столько сил на ее взятие бросили. Карабахский правитель склоняется к тому, чтобы принять российское подданство, да и многие прочие местные властители не против, но все они сейчас выжидают, какой же ответ на занятие сей

крепости дадут нам персы. А то, что он обязательно будет, вы, господа, даже не сомневайтесь... — Подполковник внимательно оглядел собранных в комнате старших офицеров. — Повелитель Персии Фетх-Али-шах уже разослал фирманы по всем своим провинциям с призывом о сборе войска для большого похода. И куда оно направится, вы, наверное, и сами прекрасно сейчас догадываетесь. У каджаров здесь, в Закавказье, остается самый верный их союзник — это хан Эривани Мухаммед. Князь Цицианов Павел Дмитриевич полагает, что персы пойдут весной на нас как раз-таки через Эривань, дабы соединиться с тамошним ханским войском, и, таким образом всемерно усилившись, ударить затем по нам в направлении Тифлиса. Поэтому их светлость отдал приказ по всем войскам готовиться упредить персов и занять Эривань прежде, чем персы к нему сами подойдут. Так, ну это общее, а вот теперь уже то, что касается нас. Вместе с казаками Агеева нам надлежит перекрыть дальние подступы к Гяндже с юга, встав на старой Карабахской дороге и еще с юго-запада подле озера Севан. На перевалах и в удобных для обороны местах будут выставлять свои заслоны егеря Карягина из семнадцатого полка. Нам же нужно будет с ними взаимодействовать и, буде какой натиск от неприятеля, по возможности сдерживать его до подхода подкреплений. Службу нести мы будем поэскадронно. Первый и второй эскадроны выйдут послезавтра, то бишь семнадцатого февраля, к назначенному им месту. И ровно через месяц, также семнадцатого марта, их потом сменят третий и четвертый эскадроны. Все ли всем понятно?

— Понятно, понятно, — загудели голоса офицеров в комнате.

— Вопрос только у меня есть. Разрешите, Александр Эдуардович? — встал со своего места командир второго эскадрона.

— Говори, Сергей Иванович, — кивнул подполковник.

— После трудного перехода к Гяндже, боя в предместьях, осады и последующего за ней штурма, а потом еще и месячного нахождения здесь у меня чуть ли не треть людей выбыла из строя, это если считать с убитыми и ранеными, а еще ведь нужно и больных учесть. В лошадях тоже большая убыль имеется. Несколько эскадронных повозок разбито и восстановлению вовсе даже не подлежит. По обмундированию и амуниции также имеются трудности. Провианта и фуража совсем мало у нас в запасе. А как же со всем этим тогда нам заслонную службу прикажете строить? Тем более, как я понимаю, нам надолго за пределы крепости придется выходить. Вокруг же нее население, не привыкшее к российской власти. Где-то оно само себе на уме, а где-то даже и откровенно враждебное. От такого и никакой помощи ждать вовсе даже не приходится. А вы вот только недавно при отправке в дальние разъезды нам говорили, чтобы никого из местных не обижать и вести себя с ними как с российскими подданными.

— И у меня такая же картина!

— И у меня в эскадроне! — загомонили с мест офицеры.

— Я хорошо если сотню людей с собой выведу, — запальчиво выкрикнул капитан Самохвалов-

ский. — Так и этих ведь тоже кормить нужно, с собой на выюках много сейчас по горам не увезешь, а там, в заслоне, аж целый месяц стоять придется.

— Придется, придется, Илья Петрович, не горячись, ну вот чего ты раскричался? — осадил капитана полковой командир. — Приказ о выходе эскадронов мною уже получен, и мы его, разумеется, с вами исполним. Местных обижать сторожайше запрещено, нам тут еще восстания в горах не хватало, чтобы каждый камень русскому солдату потом в спину стрелял! Буду просить у начальства закупные, чтобы живым серебром можно было бы вам фуражную и провиантскую норму прямо на месте поправлять. Сколько сможете, столько вы с собой выюками увезете. Остальное уже там докупите. Мы-то еще ладно, мы при конях, а вот тем же егерям, им ведь гораздо тяжелее нашего придется. Сейчас повозками по зимним дорогам много с собой в горы не переправишь, проще уж на своем или же на конском горбу везти. Пополнения раньше апреля, а то даже и мая месяца ждать не приходится — пока это его сюда из Моздока по Военно-Грузинской дороге пригонят. Да и придет оно, много ли им навоюешь? Сырые ведь совсем, зеленые, все эти вчерашние рекруты.

— Ничего, у нас они тут быстро заматереют, — усмехнулся капитан Огнев. — Те, что недавно, по осени пришли, они уже чуть ли не наравне со стариками службу несут. Коли осаду и штурм пережили, так считай, что уже и опытные солдаты.

— Ладно, господа, пора мне на генеральский совет, — поднялся со своего места подполковник. — На нем обещают представить нашего

нового полкового командира, который прибыл сюда только вчера. Полагаю, что он и сам захочет завтра с вами со всеми познакомиться. Вот вместе с ним мы и будем добиваться выделения всех нужных нам для долгой заслонной службы средств. Да, и последнее: указом нашего императора Александра Первого высочайше утверждено новое название сего города, теперь он носит название Елисаветполь, а весь край бывшего Гянджинского ханства, стало быть, называется Елисаветпольский. Вот вам и ответ, почему с местными нужно вести себя особо обходительно...

— Да, все-таки не утвердили Александра Эдуардовича полковым командиром, а ведь больше года он его обязанности исполнял, — покачал головой Самохваловский, шагая рядом с капитаном Огневым. — Небось, опять к нам кого-нибудь из гвардейских шаркунов поставили. Орден на грудь себе быстро заработает и опять в Санкт-Петербург ближе ко двору отъедет. Серж, не знаешь, кто он вообще таков?

— Да откуда же, Ильюх? — пожал тот плечами в недоумении. — Я ведь только сегодня сам такую новость услышал. Небось завтра общее построение со смотром по полку объявят. Надо бы своим людям указание дать, чтобы посерьезней подготовились. Сам ведь не хуже меня знаешь: на самом начальном представлении коли себя плохо покажешь, так потом год будут пенять, хоть ты как после этого отважно ни воюй.

— Это да-а, начальство, оно смотрит и парады сильно любит, — подтвердил Самохваловский. — Надо бы тоже своим приказать, пускай и они луч-

ше к завтрашнему готовятся. А смотри-ка, Серж, Елисаветполь, а? Ну как? Звучит? Ох и князюшка, ох и хитрый лис, вроде как бы и в честь почившей матушки императрицы Елизаветы Петровны сей город ее именем назвал, а ведь и у нынешнего императора Александра Павловича, припомни, как же супругу во крещении зовут? А вот то-то и оно — Елизавета Алексеевна, в девичестве Луиза Мария Августа, принцесса Баденская. Вот тебе и князь Цицианов, всем он сумел с этой Гянджой угодить! За то и орден высочайше ему пожалован, и звание — генерал от инфантерии. А это ведь тебе не шуточки!

— Ладно, не завидуй, Ильюха, — ухмыльнулся Огнев. — Нас с тобой, чать, уж тоже не забыли, жди высочайшего рескрипта по войскам Кавказского наместничества. Ежели все удачно сложится, так и Аннинский крест на эфес сабель с тобой прикрепим, потом еще со всеми полковыми офицерами кавалерство будем обмывать.

— Это как и положено, это обязательно, — подтвердил командир первого эскадрона. — Как-никак, а ведь самая первая награда! Ну все, я пришел, давай, Серж, до завтра!

— До завтра, — кивнул Огнев и пошагал по улице дальше...

— Эскадрон, равняйся! Смирно! — крикнул капитан Огнев, заметив движение в их сторону высокого начальства.

Тимоха, сидя верхом, резко повернул голову направо и затем приподнял ее вверх, глядя прямо перед собой. «Только бы Чайка не подвела», — тревожила его сейчас мысль. Всех заранее строго-